

ПРИДУМАТЬ С САМОГО НАЧАЛА

● Встреча с интересным человеком

**Игорь Аркадьевич
МАКАРОВ,
художник**

Долго ломали голову и под конец запутались.

Кто же он? Художник кино? Конечно. Миллионы зрителей, из тех, что внимательно читают титры, знают его как художника-постановщика мультфильмов «Ограбление по...», «Синяя борода», «Парадоксы в стиле «рок», «Пес в сапогах», «О море, море...», «Контакты, конфликты». Или по фильму Никиты Михалкова «Без свидетелей».

Телевидение? Сейчас он вживается в обстановку 27-го выпуска передачи «Вокруг смеха».

А может быть, художник телебалетов? Возможно. Он работал над одноактными спектаклями Владимира Васильева и Екатерины Максимовой, участвует в телопостановке «Дамы с собачкой» Майи Плисецкой...

— И начнем все сначала. В душе каждого художника-сатирика теплится надежда оживить своих персонажей, не правда ли?

— Я в школе буквально изрисовывал обложки тетрадей шаржами на товарищей. И учителей.

— Контакты — конфликты?

— И какие! Оценки моего творчества регулярно появлялись в журнале и дневнике. Весьма нелестные. Дома очень огорчались.

— Не отбивало охоты рисовать?

— К счастью, нет. Рисовал с удвоенной энергией. И мучительно пытался понять, почему так не нравится окружающим мой взгляд на вещи. Понял гораздо позже: сатира и карикатура должны в себе нести и позитивную программу. Иначе будет просто зубоскальство. Еще пришел к выводу, что, если персонажи оживут, многое станет более понятным, ненужное отпадет само собой. Или под рукой редактора. Потому через несколько лет после окончания Строгановского училища занялся мультипликацией. Сыграла свою роль и зависть.

— Зависть?

— Конечно. Основное занятие художника — рисовать. А художники в мультипликации рисуют постоянно, делая за годы работы тысячи и тысячи рисунков.

В момент, когда создается мультфильм, когда художник за станком, — он режиссер, актер и зритель в одном лице. Чудесная свобода! Мультипликация — традиционно сказочный жанр. Говоря современным языком, в нем нет никаких ограничений. Парадокс, гротеск, фантастика, реальность — вместе. Как, из чего? Это тоже абсолютно неограниченные возможности.

Простой бег человечка по ленте уже сказка!

— Наверное, в этом-то и вся сложность?

— На экране мультипликация — легкая, забавная, грустная игра, шутка, анекдот или настоящая трагедия. В диапазоне от «Ну, погоди!» до фильмов Юрия Норштейна. Правда, только тогда, когда она сделана талантливо. За экраном — это пот и слезы. Эпизод в одну-две минуты — несколько сотен рисунков. А ведь есть художники, рисующие фазы прямо на

каждом кадре ленты. Для знаменитой «Белоснежки» было создано более миллиона рисунков, в фильм вошло «всего» около 250 тысяч... Это классический пример, сколько вкладывается труда.

— Вам, как художнику-постановщику, уже не первый раз приходится сталкиваться в работе с компьютером.

— Сейчас, например, в третьей серии фильма «Контакты, конфликты», который мы делаем вместе с Михаилом Жванецким, Ефимом Гамбургом и Алексеем Егидесом.

— Ну и как взаимоотношения «человек — машина»?

— Дружеские. Только не думайте, что компьютер работает за художников. Ему это не под силу. Основу для работы машины дают художники-мультипликаторы, их стиль, самобытность не теряются. Но... В фильме «Парадоксы в стиле «рок», первом советском мультфильме, в котором на киностудии «Союзмультфильм» мы применили компьютер, перед нами стояла задача донести до зрителя ритм городской жизни. Кто, как не машина, лучше чувствует ритм? Если бы не компьютер, нам пришлось бы переносить с кадра на кадр до полумиллиона точек разной яркости и цвета. Человек этого сделать не в состоянии.

— В мультипликации вы одиноки?

— Действительно, редкий случай, чтобы художник в течение почти десяти лет работал с одним и тем же режиссером. Я говорю о Ефиме Гамбурге, которого недавно поздравил с шестидесятилетием. Но это такой человек, от которого просто нельзя уйти. Не буду петь дифирамбы его человеческим качествам, принципиальности в творчестве, хочу обратить внимание на его неординарность в юморе, его точную сатиру. Зрители более старшего поколения, думаю, помнят пародию Ефима Гамбурга на детективные штампы «Шпионские страсти». Эту ленту также легко смотреть и сегодня. Она выдержала самую серьезную проверку — временем. Нас, наверное, объединяет

общая тема — вытащить на свет глупость, хамство, ханжество, самодовольство. Гамбургу это всегда удается, говорит ли он о китче, семейной жизни, проблемах большого города.

Что меня еще привлекает — самоирония. Потому что, если у сатирика нет ироничного отношения к самому себе, он перестает быть сатириком.

Другой не менее яркий пример — писатель Михаил Жванецкий, с которым мы работали и работаем над сериями «Контакты, конфликты». Когда я рисую шарж, я стараюсь определить главную черту человека, его доминанту. По-моему, Жванецкий такой писатель и человек, который ни разу ни в жизни, ни в творчестве не был баловнем. Даже тогда, когда здоровается с вами.

— Теперь забудем о мультипликации. Ваши шаржи на участников телепередачи «Вокруг смеха» не могут не заставить увидеть человека по-новому. Всегда ли они вам удаются?

— Похоже на ситуацию с гипнотизером: кто-то легче поддается гипнозу, кто-то труднее. У одного человека уже внешность выражает его суть. У другого, чтобы найти его суть, надо ее очень долго искать (это я не об участниках передачи). Учитель, писатели, актеры, музыканты мне не позируют, шаржи делаются как репортаж. Этими репортажами я бываю доволен далеко не всегда.

Я стараюсь избегать двух крайностей. Во-первых, прилизанных шаржей. После которых, как говорится, хочется захлопать юбиляру и уйти из зала. Другая крайность — зубоскальство. Это оттого, что шаржируется не внутренняя суть, а какие-то внешние признаки, черты, даже недостатки. Между прочим, русская журналистика дает нам отличные примеры. Приезжает, скажем, Сара Бернар, на следующий день появляются в газетах шаржи. В них — ощущение радости от встречи с замечательным человеком. Только не думайте, что я против остроты. Просто нужен точный баланс.

— Все же непонятно, как

можно совмещать мультипликацию, карикатуру и серьезные программы телевидения, работу с Гурченко, Плисецкой?

— Я сам над этим думаю. У тех мастеров, с которыми мне приходится работать, великодушное чувство юмора, черты талантливых людей. Но дело в другом. Один человек не может без работы и смены поля деятельности, иначе его нельзя назвать профессионалом. Другой привык копать в себе, вместо работы искать причины, почему он не может заняться каким-то новым делом. Если бы я был только художником-сатириком, думаю, меня бы это иссушило.

Но и этого мало. Работая вместе с Людмилой Гурченко, Татьяной Дорониной, Майей Плисецкой, переключаясь на вещи крайне сложные, я чувствую, как мое другое «я», карикатурист, постановщик мультфильмов, тоже находит свой выход.

— Даже в балете?

— Балет — моя любовь. Представьте, какое тогда можно получить удовольствие, ставя одноактные балеты Владимира Васильева и Екатерины Максимовой! Я потом очень жалел, что сами телебалеты видел всего один раз, на телевидении, когда их принимали. Сейчас Майя Плисецкая ставит передо мной задачу решить «Даму с собачкой» принципиально по-другому, чем это сделано на сцене театра. Разве не замечательно?

— Значит, не происходит разбросанности, раздвоения?

— Если бы это происходило, то получалась бы просто халтура. Которую терпеть не могу. Самое непривлекательное в ней то, что она губит ее создателя морально.

Не так давно Владимир Янсюкевич написал для костромского театра пьесу «Чудесное яблоко» — для детей. Все началось с того, что любители живописи, художники, искусствоведы открыли для себя прекрасного художника Ефима Чеснякова. Я лично поставил бы его в один ряд с Пиромасми, Волошиным, есть в нем что-то

от Хлебникова. Он жил в деревне, устраивал народный театр, играл пьесы для детей, дарил свои холсты... И написал волшебную детскую сказку «Чудесное яблоко».

Неприятно об этом говорить, но порой считают, будто не так уж сложно сделать постановку для детского театра. Я вам даже не буду советовать заглянуть в репертуары — какие серые, безликие вещи нередко приходится видеть нашим ребятам. Режиссер-постановщик Виктор Симакин и Владимир Янсюкевич могли пойти проторенным путем, «сыграв» на имени Ефима Чеснякова.

А они не стали на это размениваться. Посмотрите, сколько сейчас говорят об этом спектакле в Костроме!

— Бываете ли вы сильно собой недовольны как человек и как художник?

— Еще бы. Житейские заботы — они у всех. От них спасение, придуманное задолго до нас, — работа.

А вот как художником... Больше всего я бываю недоволен собой тогда, когда вижу свою часть работы в фильме, спектакле, в телепередаче, которые не получились. По отдельности все, кажется, хорошо, в целом — провал. Очень обидно. Не потому, что кто-то еще виноват. Сам что-то недоделал или сделал неправильно. Твоя личность оказалась слабой и не смогла вовремя повернуть общее дело в правильное направление. Очень переживаю. Ведь есть и чувство самоиронии. А что мне остается делать?

Сестра за чистый лист бумаги и по детской считалочке: «Точка, точка, запятая — вот и рожица кривая. Носик, ротик, огуречик — вот и вышел человечек».

И всю-то его затейливую или бесхитростную жизнь надо придумать.

Беседу вел
А. ЮСКОВЕЦ,
наш спец. корр.

Коллаж
Игоря МАКАРОВА.

г. Химки.